

---

# РИТОРИКА И АРГУМЕНТАЦИЯ

---

*И. Б. Микиртумов*

## РИТОРИЧЕСКИЙ ТОП В СТРУКТУРАХ ЯЗЫКА И ВОСПРИЯТИЯ\*

*Резюме:* Когнитивные основания риторического топа Аристотеля и Деметрия Фалерского исследуются в статье в контексте теории внушения Беркли и Рида, а также теории Канта о схемах чистых рассудочных понятий. Топы получают структурный анализ. Делается вывод о том, что основанием убеждающей силы топа является положительный фон, возникающий в результате действия аналогизирующего восприятия. Структурные особенности топических выражений опознаются как аналогичные структурным особенностям правильных умозаключений. Оказывает воздействие и само наличие «симметрии», оппозиций и повторов лингвистических единиц.

*Ключевые слова:* риторический топ, внушение, схематизм чистых рассудочных понятий, симметрия, оппозиция, повтор.

*Ivan Mikirtumov*

## RHETORIC TOPOI IN THE STRUCTURES OF LANGUAGE AND PERCEPTION

*Resume:* Cognitive bases of the rhetorical topoi in Aristotle and Demetrius Phalereus are investigated in the article in the context of the theory of suggestion of Berkeley and Reid, and of Kant's theory of schemes of the pure concepts of understanding. Topoi are being structurally analysed. The conclusion is made to the effect that the basis of topoi persuasive force is a positive background resulting from the actions of analogising perception. Structural features of topical expressions are recognized as similar to structural peculiarities of true conclusions. The very existence of «symmetry», of oppositions and of linguistic units retries is in itself influential.

*Key words:* rhetorical topoi, suggestion, schemes of the pure concepts of understanding, symmetry, oppositions, retries.

---

*Микиртумов Иван Борисович*, доктор философских наук, профессор кафедры логики, Санкт-Петербургский государственный университет.

*Ivan Mikirtumov*, Dr. Hab., professor, department of logic, Saint Petersburg State University.

\* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант 14-03-00650.

Вопрос о том, в чем состоит убеждающая сила риторического топа, получает должную осмысленность не во всяком контексте. Для получения ответа на него черты языкового выражения, составляющего топ, должны быть непосредственно соотнесены с характеристиками восприятия этого выражения, а также с неким механизмом, генерирующим убеждающий эффект. Описание такого механизма представляет наибольшую сложность, поскольку предполагает хорошо продуманную теорию сознания, перспективы которой сегодня, как кажется, остаются весьма туманными и при взгляде со стороны философии, и при взгляде со стороны когнитивных наук. Построение теории сознания в первом случае оказывается проблематичным ввиду сомнений в компетенции философского знания, в рамках которого предпринималось огромное число попыток такого рода, а во втором случае пока еще нет оснований говорить о значимых результатах. Интерес к теории сознания как к возможному инструменту разрешения частных и прикладных вопросов присутствует со времен зарождения древнегреческой философии всегда, а к числу таких вопросов можно отнести и поиск оптимальной модели общественного устройства, и обоснование необходимости следования нравственным нормам, и доказательство единства знания. Стремление понять природу риторического воздействия имеет своим мотивом потребность в универсальном инструменте влияния на человека. Отсюда происходит интерес по меньшей мере к уже существующим теориям сознания, которые начинают рассматриваться под новым углом зрения, особенно в те исторические моменты, когда возможность донести ценные знания и мнения до достаточно большой аудитории рассматривается как условие позитивного общественного движения.

В настоящей статье представлен вариант структурного анализа риторического топа, который позволит описать его риторическую эффективность с помощью некоторых понятий из теории восприятия Джорджа Беркли и Томаса Рида, а также с привлечением идеи Канта о схематизме рассудочных понятий. Но прежде чем перейти к основному содержанию статьи, я хочу кратко остановиться на исторической стороне исследования взаимосвязи риторической эффективности и свойств сознания.

Вменяемость, или рассудительность, оказываются в числе добродетелей у Платона и Аристотеля именно потому, что современные им социальные реалии включали интенсивные аргументативные взаимодействия, в ходе которых политики, моралисты, ученые, просто активные граждане полиса постоянно стремились убеждать или разубеждать сограждан в верности тех или иных точек зрения. Пристрастность политически активных граждан к своим мнениям подкрепляется текущим социальным опытом и жизненными интересами, так как убеждение и разубеждение в публичном пространстве, если дело касается вопросов, всерьез затрагивающих интересы, — исключительно трудная задача, что многократно отмечалось. Поэтому тот, кто считает свою позицию верной, но, несмотря на все усилия убедить в ней, не встречает одобрения слушателей, неумолимо склоняется к усмотрению причин такого положения дел в интеллектуальных и личностных пороках, которые мешают слушателям должным образом внять доводам, усмотреть их силу. Отсутствие желаемой степени рассудительности можно пытаться объяснить в диапазоне от действия выходящих из-под контроля

разума аффектов до проявления неустранимых дефектов ума и личности в целом. В последнем случае убеждающее воздействие не достигает своей цели, даже если предмет убеждения — очевидная истина, в то время как в первом случае остается надежда мобилизовать разум и волю слушателя на борьбу с аффектами. Одновременно с этим положительный результат убеждения может стать следствием как все той же аффектированности, так и тупоумия. Характерная для «Риторики» Аристотеля ориентация на усредненного слушателя исключает крайности, но предполагает их в качестве ориентиров. Этот усредненный слушатель исследуется и описывается Аристотелем социально-антропологически и социально-психологически, и в обоих случаях дескриптивно. Структура сознания выстраивается формально, воспроизводя эмпирически усматриваемые обстоятельства: проявляемые аффекты сопоставляются страстям, возрастные и социальные особенности поведения — комплексам психофизиологических особенностей человека. Страсти и физиология проявляются в способности вести себя некоторым образом, а их обнаружение и анализ становятся возможными благодаря умозаключениям от действительного, увиденного сквозь знание сущности человека и знание того, «что имеет место по большей части», к обуславливающему его возможность. Аристотель описывает квазиформальную онтологию «способностей души» и страстей, детерминирующую акты поведения в прямом соответствии акта той или иной единицы, и обходясь тем самым без построения теории сознания.

Другим примером эпохи, когда риторическая эффективность становится актуальной и когда теория сознания также не потребовалась, может стать итальянский Ренессанс. Не вдаваясь в детали различных представлений этого времени о том, почему собеседник остается глух или, напротив, счастливо восприимчив к нашему убеждающему слову, укажем на центральное обстоятельство: риторическая сила оказывается в устах того, кто реализует себя как человек в полном смысле слова, а риторическое воздействие сказывается должным образом на слушателе, о котором можно сказать то же самое. Люди, не «пробудившиеся» к своему истинному состоянию не могут ни убеждать, ни быть убеждаемы, поскольку их разум и дух пребывают в ущербном, ложном состоянии. Они не представляют собой части сообщества умов и душ, следовательно, не достигают реализации своей сущности<sup>1</sup>. Для Ренессанса, ритори-

<sup>1</sup> Э. Гарэн приводит слова Ф. Петрарки, перемежая их своими комментариями: «Не может обладать достоинством речь, если не имеет его сам дух», и, напротив, состояние духа обрекает в обращенных к людям словах меру и конкретный смысл. «В самом деле, если сперва не придут в согласие наши страсти, неизбежно окажутся в противоречии также внутренний мир и слова. Напротив, предрасположенная к согласию душа всегда остается спокойной и невозмутимой, как если бы она пребывала на безмятежной высоте... И, даже если она не искушена в хитростях ораторского искусства, порождает слова замечательные и ясные, созвучные себе». Внутреннее и внешнее, разум и речь нерасторжимо связаны. Не стоит превозносить уединенный и внутренний монолог человека. Если мы хотим оставаться людьми, нужно общаться с людьми. «Мы должны стараться быть полезными людям, с которыми живем; и нельзя сомневаться, что мы можем в высокой степени помочь их душам нашими словами». И не столько

ческая природа которого подчеркивается многими исследователями, постоянное присутствие убеждающего воздействия со стороны окружающих, равно как и со стороны самого себя, оказывается принципиально важным ввиду нахождения в сообществе новых людей — «пробудившихся» во враждебной среде. Требуется каждодневное усилие по возобновлению своей новооткрытой идентичности, включающее в себя движение памяти в сторону Античности с целью восстановления своей исторической определенности, удержание связей с единомышленниками, где бы они ни находились, стимулирование собственного творчества, независимо от того, приносит оно значимые результаты или нет. И гуманистическая, и натурфилософская (магическая) линии духовного движения Ренессанса опирались на риторику, по крайней мере до тех пор, пока не сформировались устойчивые институциональные среды, в которых ренессансная идентичность отдельного человека получала бы поддержку извне, не менее сильную, чем изнутри<sup>2</sup>.

Наступление Нового времени становится рубежом, на котором значение риторики как средства идентификации подлинного положения человека уменьшается. Риторическая искусственность, игра ума, остроумие, перевоплощение, свободное переключение между авторской речью и речью героя — это черты, характерные для итальянской литературы Возрождения и позже максимально проявившиеся у Шекспира, становятся показательными не как свойства «пробудившихся» немногих, но как желанные и ценимые более широкими слоями общества, образованными или стремящимися к образованию. Сама риторичность становится общим местом, в то время как ее изначальные цели отходят на второй план. Сообщество свободных умов уже существует, оно составляет элиту, историческая преемственность по отношению к Античности общепризнанна и возобновляется в школьном образовании. Иными словами, задачи ренессансной риторики реализуются теперь социальными институтами. В XVII–XVIII вв. возникают разнообразные теории сознания, мотивы появления которых связаны с проблемой убеждения, но не напрямую. В центре оказываются вопросы о возможности истинного знания, о доступной каждому разумному существу науке, поставленные, в отличие от схоластической традиции, в ситуации

---

морализирующим содержанием наставления, сколько возвышающей способностью человеческой речи, которая объединяет нас вопреки времени и пространству, вопреки пустыням и тысячелетиям, которая формирует и умиротворяет наши умы. ... «Слова близкие и знакомые, не только запечатленные в сердце, но и звучащие на устах; ими я обыкновенно взбадриваю дремлющий дух». Здесь налицо два наиболее характерных для гуманизма мотива: осознание ценности словесности и социальный характер подлинно человеческого бытия... Нужно прежде всего обрести самих себя, открыть в себе собственно человеческую сущность, дабы объединиться — люди с людьми [Гарэн 1986: 41–43]. На «призыв к новой жизни», характерный для культуры Ренессанса, указывает Буркхард [Буркхард 2003: 279].

<sup>2</sup> К числу таких сред можно отнести как получившие формальное закрепление институты науки, образования, искусства, права, государственного управления, так и менее формальные социальные практики, такие как литературная критика, светское и деловое общение, в частности эпистолярное.

их огромной значимости для отдельного человека и для общества в целом. Поэтому Декарт пишет «Рассуждение о методе» по-французски, в жанре интеллектуального послания к произвольному образованному читателю — не философу. Декарт, Бейль, Лейбниц, Бэкон, Гоббс и другие классики Нового времени вели активную переписку по философским вопросам с непрофессионалами, в числе которых были и коронованные особы. Прямая риторичность здесь избыточна, собеседники уже образуют сообщество, их идентичность сформирована и поддерживается институционально, так что им не требуется усилий, выходящих за рамки работы с предметом познания.

Просвещение вновь ставит вопрос о риторическом, поскольку видит своей задачей расширение социальной действенности рационального и устранение качественных различий между интеллектуальной элитой, средним классом и широкими массами в том, как знание того или иного вида и происхождения влияет на решения практических вопросов. Проблемы морали и преступности, религии и веротерпимости, власти и политических прав, образования и воспитания в результате движения Просвещения должны были стать понятными и актуальными для большинства членов общества, дабы в этих, определяющих успех социальной жизни сферах, стала возможной максимально полная интеграция: просвещенный гражданин и просвещенная власть достигают больших успехов с меньшими издержками, поскольку обнаруживают единство ценностей и понимания основных вопросов жизни. Риторика становится актуальной как инструмент, уже не претендующий на формирование и удержание идентичности элиты, но имеющий такого рода задачу в отношении общества в целом. Риторика здесь оставляет в стороне большую часть поэтического, широкой публике недоступного и непонятного, но концентрирует тем большее внимание на рациональной стороне аргументации. Сформированные к этому времени теории сознания оказываются востребованными, поскольку в опоре на них деятели Просвещения ищут пути воздействия на разум и моральное чувство человека. Именно здесь мы подходим к выявлению соответствия между чертами риторических топов и чертами механизмов восприятия, как они представлены в некоторых теориях сознания, в частности у Беркли, Рида и Канта, актуальность которых не стала меньше ни с появлением более поздних философских теорий сознания, ни, тем более, с результатами когнитивных наук, пока еще не дающими оснований для того, чтобы объявить философскую теорию в целом несостоятельной. Традиционная философская рефлексия и дескриптивная психология — это проверенные временем инструменты, пусть и не приводящие к аподиктическим результатам, но предлагающие плодотворные эвристики.

В центре внимания этой статьи находится топ, или общее место, — нелогическое средство убеждения, дать определение которому нелегко. Аристотель выделял диалектический и риторический топы, первый из которых имеет логическую природу, а второй — смешанную, т. е. отчасти логическую, отчасти — эстетическую, связанную с особенностями восприятия. Приведу (с некоторыми модификациями) почти

полный перечень топов из Второй книги «Риторики» Аристотеля. Периоды и энтимемы перемешаны:

«Быть умеренным хорошо, так как быть невоздержанным плохо».

«Не все справедливое хорошо, так как несколько не желательно справедливо умереть».

«Если вам не стыдно покупать, то мне не стыдно продавать».

«Он был убит справедливо, поэтому совершившие это поступили справедливо».

«Если и боги не знают всего, то не знают всего и люди».

«Бьет своих близких тот, кто бьет своего отца».

«Если не был несправедлив Тесей, то не был и Парис».

«Если не ничтожны математики, то не ничтожны и философы».

«Если бы я попросил у вас денег, прежде чем помог, вы дали бы мне их, так не отказывайте в деньгах теперь, когда я помог вам».

«Продал бы ты за деньги флот? Нет? А я продал бы».

«Одинаково оскорбительно не иметь возможности заплатить за оказанное добро и за совершенное зло».

«Если своих лошадей мы не доверим людям, дурно обращавшимся с лошадьми других лиц, то неужели мы доверим свою безопасность тем, кто не обеспечил безопасность другим».

«Те почитали мудреца *A*, хотя он был клеветник, другие — мудреца *B*, хотя он не был их согражданином, третьи — мудрую *C*, хотя она и была женщиной, четвертые — *D*, хотя не любили науки, пятые процветали под властью мудреца *E*, хотя он был чужестранец, откуда следует, что города, где чтити мудрецов, процветали».

«Даже такой-то согласился явиться в суд, а этот не явился».

«Смерть есть зло, ведь и боги так думают, иначе умирали бы».

«Образование дурно, так как делает тебя предметом зависти, но оно же и хорошо, ибо делает мудрым».

«Если ты будешь говорить справедливое, тебя возненавидят люди, а если несправедливое, то боги, но зато в первом случае тебя полюбят боги, а во втором — люди».

«Если детей высоких ростом считать взрослыми, то не следует ли невысоких взрослых считать за детей».

«Если награждают тех наемников, которые совершили подвиги, то почему не изгоняют тех, кто совершил преступления».

«Одинаково богохульствуют те, кто говорят, что боги родились, как и те, кто говорят, что они умирают, ибо в обоих случаях получается, что есть время, в которое боги не существуют».

«Если, находясь в изгнании, мы сражались за то, чтобы вернуться на родину, то неужели мы не будем сражаться на родине, чтобы вновь не быть изгнанными?»

«Многим людям божество посылает удачу не по своей благосклонности, но для того, чтобы они подверглись более явным бедам».

«Он ограбил соседа, поскольку это сулило ему большую выгоду, поскольку сосед не запирает ни дома, ни амбаров и поскольку с семьей и работниками отправился на свадьбу».

«Я не мог его грабить, поскольку его жалкое имущество мне не нужно, по его двору ходят громадные злые псы, а вся территория просматривается с улицы».

«Закон нуждается в законе, который бы их исправил, потому что и рыбы нуждаются в соли, хотя представляется невозможным, чтобы нуждались в соли существа, питающиеся соленым, как и оливы в масле — то, из чего масло происходит».

«Он говорит, что я люблю тяжбы, но не может доказать, чтобы я когда-либо затевал тяжбу».

«Неправы те, кто говорят, будто я участвовал в залоговых аукционах, а потом уничтожил свидетельства об этом, ведь участвуя в них, я смог бы быстро разбогатеть».

«Они не осуществили пенсионную реформу не потому, что не знали, как ее осуществить или не имели средств, а потому, что оставить старую систему было целесообразнее».

«Если он бог, то не оплакивайте его, а если человек, то не приносите ему жертв».

«Я не посетил бы Фивы, если бы побывал в Афинах, но сделал бы ошибку, не напав на Фивы, даже посетив Фивы» [Аристотель 1978: 111–122].

В первом случае «общее место» понимается как общеупотребительный способ умозаключения, применимый к различному содержанию, тогда как во втором случае подразумевается способ наглядной или квазинаглядной репрезентации мысли. Последний вид топа представляет наибольший интерес, поскольку его риторическая эффективность ясна в гораздо меньшей степени, нежели эффективность логически обоснованного или подобного ему умозаключения<sup>3</sup>. Для Аристотеля этот вопрос решался относительно просто. В «Риторике» он отмечает, что топ и период доставляют удовольствие: «такой стиль приятен и понятен; он приятен, потому, что представляет собой противоположность речи незаконченной, и слушателю всегда кажется, что он что-то схватывает, и что что-то для него закончилось; а ничего не предчувствовать и ни к чему не приходиться — неприятно» [Аристотель 1978: 140]. Для современной семиотики существенными оказываются семантические черты топа, так что анализ направляется к форме передачи элементами выражения того или иного содержания, и в центре оказываются классические метафора, метонимия, синекдоха и ирония. Но для топа этот подход неприменим, контекстом, в котором топическое получает наиболее полное раскрытие, оказывается контекст дескриптивной психологии, предлагающей инструменты для описания состояний и процессов сознания, имеющего дело со знаково-символическим. Дескриптивно-психологическая теория, идущая от Декарта, получает бурное развитие в философских доктринах Просвещения, прежде всего английского. Будучи свободным от методологических ограничений современной научной психологии, психология дескриптивная и, так сказать, философская

---

<sup>3</sup> См. обсуждение вопроса: [Kraus 2009].



становится средством репрезентации сознания и мышления, результатом которой можно считать эвристическую по своему характеру онтологию сознания, привлекаемую для интерпретации теории познания, морали, искусства, государства, политики, свободы и т. д. Не имеет смысла спрашивать, насколько реальны категории рассудка Канта, но как эвристическая модель они позволяют ясно увидеть различие в явлении того, что происходит от предмета (чем бы он ни был), от того, что привносится сознанием. То же самое можно сказать о построениях Локка, Беркли и Рида. Исследование убеждающего воздействия риторического топа в терминах дескриптивно-психологических теорий имеет и историческую ценность, поскольку именно этим путем авторы эпохи Просвещения шли к объяснению возможности убеждения, не опираясь при этом на какую-либо логическую теорию. Тем самым аристотелевская риторическая антропология получает интерпретирующую ее модель, выходящую за пределы формально-онтологического описания элементов сознания, обеспечивающих определенные поведенческие реакции.

Рассуждая в аристотелевском духе, можно сказать, что если мы можем быть в чем-то убеждаемы, то на это есть достаточные действующие причины, запускающие механизм причин формальных. Последние состоят в наличии причинной связи между анонсированием аргументов  $B_1, \dots, B_n$  ( $n > 0$ ) и возникновением субъективного состояния убежденности относительно содержания предложения  $A$ . Можно назвать совокупность  $B_1, \dots, B_n$  матрицей принятия  $A$ . Такая матрица не единственна, если убеждение в приемлемости или истинности  $A$  возникает вследствие анонсирования не только  $B_1, \dots, B_n$ , но и  $C_1, \dots, C_m$ , или же  $D_1, \dots, D_k$  и т. д. Иными словами, если меня можно убедить в том, что  $A$  приемлемо, то для этого есть некоторые наборы подходящих аргументов, в то время как все прочие указанного действия не вызывают. Это значит, что во мне присутствует — зеркальным образом — готовность отвечать положительно на подходящие и отрицательно на неподходящие аргументы в связи с конкретным содержанием  $A$ . Метафора соответствия или совпадения такой матрицы с поступающей информацией близка метафоре замка и ключа. Формальная причина убеждения в  $A$  состоит в возможности совпадения, действующая — в появлении конкретных совпадающих с матрицей аргументов. В «уме» агента потенциально присутствует счетно-бесконечное количество матриц убеждения, и при появлении тех или иных аргументов происходит актуализация соответствующих им матриц, сопровождающаяся положительными или отрицательными реакциями.

Описанный механизм ответа я попытаюсь прояснить, используя идею Канта о схематизме чистых рассудочных понятий. Последние он понимает как «общий способ, каким воображение доставляет понятию образ» [Кант 1964: 223]. Имеется в виду, например, что некоторые квазиобразы треугольника или собаки могут быть соотнесены с соответствующими понятиями, так, чтобы мыслимые в понятии признаки наблюдались, но при этом никакой конкретный треугольник и никакая конкретная собака образу не соответствуют. Кант здесь подчеркивает продуктивный характер действия воображения. В самом деле, если понятие не является эмпирическим,



то схематизм все равно позволяет породить для него квазиобраз, что обеспечит возможность априорного созерцания. Тем самым, говорит Кант, определяется внутреннее чувство [Кант 1964: 224], которое априори обеспечивает возможность подведения под одно понятие многообразных последующих восприятий и представлений. Здесь между образом и схемой существует определенное структурное сходство: элементы образа, отвечающие существенным признакам предмета в понятии, присутствуют в схеме как ее смысловые элементы, из которых разворачивается построение образа. Существуют схемы «технического» характера, каковы схемы величин, количества, качества, времени, реальности и несуществования, субстанции, причины и причинности, общения, возможности, действительности и необходимости, т. е. схемы самих категорий рассудка [Кант 1964: 224–225]. Эти категории не могли бы быть нам понятны, и мы не могли бы применить их к восприятиям, если бы не располагали указанными схемами.

Чувственность, говорит Кант, придает реальность понятиям рассудка, т. е. позволяет рассудку действовать. Схемы — это «феномен или чувственное понятие предмета, находящееся в соответствии с категорией» [Кант 1964: 226–227]. Но откуда берутся схемы? Исторически они проявляют себя в становящейся познавательной активности субъекта, но по поводу их онтологии Кант говорит лишь то, что применение схем есть «скрытое в глубине человеческой души искусство» [Кант 1964: 223]. Они не даны априори, подобно категориям рассудка, но сама способность соотносить предметы с категориями посредством выстраивания каких-либо схем должна иметь место. Иными словами, нет врожденных схем понятий, но есть способность генерировать такие схемы и при формировании опыта подвергать их модификациям.

То же самое можно сказать и о матрицах убеждения: у нас нет их как априори данных, но есть способность их формировать по случаю. Этого, конечно, мало для уподобления схем и топов, поэтому следует обратить внимание на подобие в отношении предмета, которым оперируют схемы и топы. В обоих случаях в доступном для созерцания виде воспроизводится некоторая структура содержания. В действии схематизма опорой служит явление собаки, треугольника или справедливости, при употреблении топа опорой оказывается выражение языка. Схема строится на выделении ключевых элементов предмета в явлении, которые соотносятся со структурой содержания, а топ соотносит содержание с элементами специализированного выражения. Весомость предмета состоит в его явленности и целостности, весомость специализированного выражения языка — в его специфических отличиях и также в целостности, но особого рода, получившей название «закругленности».

Закругленность фразы имеет когнитивную ценность, сформированную на самых первых этапах существования языка в его социально-идентифицирующей и сакральной прагматике. А. И. Зайцев в работе о происхождении гекзаметра [Зайцев 1994] отмечает следующее: во-первых, ритмизированная речь появляется в позднем палеолите (3–4 тыс. до н. э.) — одновременно с появлением геометрических орнаментов как средство эмоционального воздействия и, возможно, вследствие необходимости

производить такое воздействие; во-вторых, в древнем эпосе наблюдается идентичность стихотворной строки и единицы смысла; в-третьих, ритмика подчиняется фонетическим свойствам языка и практике декламации — необходимости для чтеца-декламатора сделать вдох; в-четвертых, метрическая речь героического эпоса развивается параллельно с метрической речью сакрального текста. Эти наблюдения указывают на очень рано сформировавшееся и практиковавшееся использование ритмизированной речи, что означает наличие устойчивого эффекта от ее применения там, где это было необходимо.

Получается, что ритмизированное тем или иным образом выражение языка имеет структурную особенность, позволяющую ему приобрести специализацию, т. е. использоваться особым образом. Деметрий Фалерский, отталкиваясь от Аристотеля, различает период и энтимему [Деметрий 1978: 243]. Первая есть «закругленное», целостное представление мысли в речи, второе — умозаключение. В периоде, говорит Деметрий, может быть один или несколько колонов. Простой период образован одним колоном: «В Афины мы прибыли к вечеру», а сложный, например, тремя: «В Афины мы прибыли к вечеру, было свежо, по улицам прогуливались разряженные по случаю праздника горожане». Топы Аристотеля с этой точки зрения — всегда колоны, которые обладают еще и дополнительными свойствами, связанными уже не со стилистическими особенностями, а с содержательными связями. Но сколь бы сильными ни были такие связи, «закругление» периода остается важной задачей оратора, если он хочет донести их до слушателя наилучшим образом.

Периоды — это продолжительные и округленные колоны, определяемые прежде всего взаимным расположением лексических единиц, задающих структурное отношение смыслов, но не умозаключением, которое также может быть представлено в периоде. Черты «закругленности» выражения складываются, как нетрудно заметить, из трех основных компонентов: симметрия, смысловые оппозиции, повторы. Ниже я попытаюсь дать схематическую репрезентацию ряда периодов, подчеркивая, где это уместно, также и иные смысловые взаимосвязи.

Будем обозначать содержательные «атомы» выражений заглавными буквами, эллиптические повторения берем в скобки, колоны разделяем вертикальной чертой, в нижних индексах показываем оппозицию, верхним штрихом показываем парафраз. При необходимости маркируем другие особенности.

Рассмотрим теперь структуру фразы:

*В Афины мы прибыли к вечеру, было свежо, по улицам прогуливались разряженные по случаю праздника горожане, как и тогда, когда Деметрий прибыл сюда после поездки в Локры.*

Пусть: *A* — в Афины, *B* — мы, *C* — прибыли, *D* — вечер, было свежо ... горожане, *E* — Деметрий, *F* — после поездки в Локры. Схематически фразу можно представить следующим образом:  $ABCD \mid (D)EC(A)F$ . Риторический эффект возникает вследствие трех повторов, парных единиц «мы — Деметрий», и появления пятого элемента

во втором периоде, который восстанавливает равновесие, вызванное эллиптически опускаемым *D* и анафорическим указанием на *A*. Появление *F* придает фразе «округлый» характер и привлекает внимание слушателя: три повтора обещают четвертый, но на его месте возникает новый элемент содержания. Рассмотрим еще одну фразу:

*Ветреная погода не изменила нашей решимости остановиться в Платеях, как не изменила она когда-то решимость Деметрия купить там усадьбу.*

Схематически:  $A-BCDEF \mid (A)-BDG(F)H$ .

Здесь мы видим четыре повтора и две пары: «мы — Деметрий», «остановиться — купить»; значение «остановиться, чтобы пробыть некоторое время» имеет усиление — «купить усадьбу, чтобы жить постоянно». Риторический эффект возникает вследствие игры повторов и неожиданного на их фоне усиления значения.

Для фразы

*Не в том прекрасное, чтобы говорить о прекрасном, но в том, чтобы, сказав, сделать по-сказанному.*

анализ структуры выглядит так:  $\neg ABC \mid (A)B(C)D_{-B}(C)_{B\text{-метонимия}}$ . Здесь «зарифмована» оппозиционная пара «сказать — сделать», присутствуют пять повторов, один из которых метонимичен.

Ниже представлены другие периоды Деметрия.

*Прежде всего, потому следует забыть о законе, что это в интересах города, но также и потому, что ради сына Хабрия согласен я помогать им, насколько это в моих силах.*

$ABC(C)D \mid A(B)(C)[EFG]$

Здесь три повтора, один из которых — эмфатический (*A*), и три эллипсиса формируют эстетическую среду появления богатого по содержанию блока «ради сына Хабрия согласен я помогать им, насколько это в моих силах» как пары к «это в интересах города».

*Проплывая по суше и проходя по морю...*

$AB \mid C_{-A}D_{-B}$

Здесь мы не затрагиваем смысловых оппозиций, заданных оксюморонами и не связанными со структурой фразы. Этот топ имеет и диалектическое содержание.

*Ему он назначил жизнь полную трудов и опасностей, а ей дал красоту, заставлявшую восхищаться и возжелать.*

$AB[CDE]- \mid F\neg AB[HGK]+$

Здесь «+» и «-» показывают позитивную и негативную коннотации соответственно.

*Однажды среди них я был, в другой же раз среди них находился.*

$ABCD \mid A'(B)CE_{D\text{--парафраз}}$

*Все же, однако, дары их смягчали, дары убеждали.*

$A \mid BCD \mid B(C)E_{D\text{--ложный парафраз}}$

Между «убеждали» как причиной и «смягчали» как следствием легко установить связь, что придает топу диалектический характер, но внимание на эту связь обращает структура фразы, выводящая восприятие на ложный парафраз «смягчали» как «убеждали».

*Часто я дивился людям, что празднества играют, гимнастические состязания собирают.*

$ABCDE \mid FH_{DE\text{--синекдоха и амплификация}}$

Функция синекдохи состоит здесь в указании направления перечисления качеств тех людей, которым дивятся, что делает период завершенным по форме, но не по содержанию. Цель использования такого периода может состоять, например, в том, чтобы направить мысли собеседника в определенную сторону.

*Те, у кого спрашивают, не знают об этом деле, кому полагалось бы знать, не порицают его.*

$AB\text{--}C \mid (A)C_{\text{модальность}}(B)\text{--}D$

*Ты есть тот человек, кто о живом говорил о нем дурно, а теперь о мертвом пишешь дурно.*

$ABCDE_{\text{past}}F^- \mid (A)(B)(C)\text{--}DG_{E\text{--усиление, presens}}F^-$

Здесь мы видим три эллиптических повтора, два эмфатических ( $F^-$ ), антитеза «живой — мертвый» и усиление негативной оценки, оттененное темпоральным различием: говоришь<sub>past</sub> — пишешь<sub>presens</sub>.

*Мужеубийцами были они по натуре, мужеблудниками стали по образу жизни. Они назывались сообщниками, а были соложниками.*

$(ab)B_{\text{past}}CD \mid (ae)F_{B\text{--presens}}(C)G\text{--}D \mid CH^-(ik) \mid B_{-H}^+(im)$

Здесь мы видим богатый набор структурных элементов риторического топа: четыре повтора, две оппозиции, одна из которых с темпоральным оттенком, противопоставление моральных оценок и два ярких смысловых смещения, оттененных фонетическим сходством: «мужеубийцы — мужеблудники», «сообщники — соложники»<sup>4</sup>.

<sup>4</sup> Следует отдать должное переводчикам трактата Деметрия за виртуозную работу: ἀνδροφόνος — убивающий мужей, ἀνδρόλοποι — (букв.) мужеблудник, εταῖροι — товарищи, приятели, εταῖραι — любовницы, подруги.

*Какой большой город взяли они у врагов, он так же велик, как их собственный, который они потеряли.*

$ABCD_E ED \mid B(E_D)AH(B^*D_E) \mid D_E F_C(B^*D_E)$

В этом трехчленном периоде, четыре повтора, три антитетических элемента: «они — враги», «чужой — свой», «взяли — потеряли». Появление во втором колоне «города» как «своего города» создает удачный риторический эффект, существенно изменяющий антиципируемый слушателем смысл фразы.

*Из Афин в Стагиру я прибыл из-за царя, ибо он был велик, из Стагиры в Афины из-за урагана, ибо он был велик.*

$[AB]^+ CDE \mid (E)F \mid [BA]^-(CD)H \mid (H)F$

Здесь мы видим семь повторов, оценочное противопоставление и единый рисунок двух частей фразы.

В отличие от стилистически выверенного периода энтимема не утрачивает содержательной эффективности при нарушении должного порядка, полагает Деметрий. Круг периода разрушается, но мысль представлена без искажения, поскольку перед нами фигура мысли, умозаключение. Деметрий демонстрирует «разрушение» стройности фразы Демосфена:

*Как ты не стал бы делать этого предложения, будь бы кто-нибудь из них изобличен ранее, так и другой не сделает этого впредь, будь сейчас изобличен ты.*

В этой фразе мы видим структуру с многочисленными повторениями и оппозиционными элементами  $A-BC \mid DE_{\text{past}} \mid FA-G_{B-\text{future}} \mid AE_{\text{presens}}$ , представляя ее в виде:

*Не спускайте тем, кто, пытаясь обойти закон, делает незаконные предложения. Ведь если бы их подвергли проверке, то и подсудимый не стал бы сейчас делать эти незаконные предложения, да и никто другой в будущем не стал бы заниматься ими, будь только этот изобличен сейчас.*

Умозаключение в несколько сокращенном виде таково (восстанавливаем пресуппозицию и посылку):

Всех, кто ранее предлагал противозаконное, *наказали*.

[Эта норма действует и теперь — опущенная пресуппозиция темпорального характера.]

[Этот не хочет быть наказанным — опущенная фактическая посылка.]

Он не станет предлагать противозаконное.

Наличие во фразе структурных особенностей, к числу которых принадлежат симметрия, повторы, содержательные оппозиции частей, взаимное «оттенение» через

позитивные и негативные смыслы можно охарактеризовать как своего рода «рифмовку». Моя гипотеза состоит в том, что риторическая действенность «рифмовок» основывается на их формальном, структурном совпадении с чертами матрицы убеждения, а также с готовностью схем рассудка подводить воспринятые структурные качества под понятия, имеющие безусловные позитивные коннотации: гармоничность, симметрия, стройность, последовательность. Такими структурными качествами, безусловно, обладает как силлогизм, т. е. логически необходимое умозаключение, так и многие иные логически безупречные способы умозаключения. Во всех этих случаях происходит, по-видимому, воспроизведение однородных структурных элементов, благодаря чему, как отмечает А. И. Мигунов, «риторика, исследуя фигуры речи, обнаруживает необходимую связь формы речи с высказыванием истины» [Мигунов 2012: 18]. В самом деле, топ определяется как фигура речи, т. е. с использованием геометрической метафоры. Едва ли мы могли бы удачно определить это явление без привлечения метафоры, т. е. тропа — основополагающего элемента языка с точки зрения современной лингвистики. За метафорой фигуры скрывается практика усмотрения именно пространственно определимых элементов структурных отношений. Очевиден контраст: доказательство не нужно определять через метафору, за ним скрывается некоторая реальность отношений вещей, на которую доказательство указывает. В частности, аристотелева силлогистика есть способ предъявления таких отношений. Топ же соединяет вещи иным способом, нежели доказательство. Он действует уподобляюще-миметически, опираясь на схемы чувственных восприятий, перенесенные на отношения предметов, подразумеваемых речью, будь они хоть материальными, что не так актуально, поскольку здесь удобнее употреблять прямые описания, хоть идеальными, что привлекательнее, поскольку вносит упорядочение в отношения абстракций, делая их понятнее.

Современная тропология метафоры, метонимии и синекдохи отлична по методу анализа от топики Аристотеля и Деметрия. В первом случае внимание обращено к динамике анонсирования значений и их усвоения, а во втором — к технике мимесиса, к воспроизведению структурных особенностей, свойственных фразам, содержащим умозаключения, правильные с точки зрения тех или иных логических теорий. Эта работа со структурой происходит в той же сфере восприятия и распознавания, закономерности которой переносились на любые акты сознания английскими скептиками, сенсуалистами и представителями философии здравого смысла, в частности Беркли и Ридом. Основная идея состоит в следующем. В неконтролируемом субъектом ходе восприятия осуществляется внушение определенных смыслов (содержаний), основой которого выступает привычка обнаруживать результат восприятия таким-то и таким-то. Привычка к восприятию предметов с повторяющимися структурными особенностями (например с симметрией, геометризмом форм), наличием сторон, частей, выступающих или западающих локусов и т. д. приводит к закреплению совокупности этих формально-структурных элементов в качестве универсальных образцов для распознавания, так что как истинные, так и ложные восприятия строятся с этого момента по контрольным точкам этих образцов. При этом, в силу формально-структурного характера, реализуются и переносы из рода в род, запрещенные для

теоретического рассуждения. Так привычка к симметрии зрительного срабатывает на восприятии аудиального, выделение частей у тактильного формирует соответствующие ожидания для зрительного и т. п. Период и топ порождают аналогичные поводы для переносов, поскольку запускают механизм привычного восприятия, который, в свою очередь, основан на том, что Рид называл «началами правдивости и доверчивости» [Рид, 2014: 286–287]. Они лежат в основании человеческой природы и создают почву для успешного действия механизмов внушения: «начало, вложенное в нас Верховным Существом, есть предрасположение верить в правдивость других и верить в то, что они нам говорят». Без некоторого первого эпистемического «движения», в ходе которого что-то было принято на веру, не было бы возможно никакое развитие знания<sup>5</sup>. Надо отметить, что концепция Рида предвосхитила антиредукционистские теории современной когнитологии, в которых формирование доксистических установок рассматривается как сводящееся не к достоверному, представленному теми или иными источниками, а к коммуникативной среде, к социальной и лингвистической практике [Sperber et al. 2010: 361–362].

В «Опыте новой теории зрения» Беркли приходит к выводу, что не существует никаких абстрактных идей формы, так что, например, идею протяжения нельзя создать без видимых и осязаемых качеств, что нет идей, общих зрению и осязанию, что подведение воспринимаемого под род объясняется способом восприятия, который один для всех идей этого рода, или же потому, что способ этот сходен с ним, или же потому, что идея воздействует на меня так же, как и другие идеи этого рода [Беркли 1978: 128]. Вследствие этого, по мысли Беркли, понять, что мы видим нечто большее, чем свет и цвет, мы можем только вследствие внушения, происходящего от совместного действия идей, воспринимаемых одновременно или последовательно разными чувствами. Видимое внушает одни и те же идеи для одних созерцаний, и разные — для других. В частности, необходимость широкого вовлечения предыдущего опыта, возникающая в случаях, когда субъект в определенном смысле чувствует или осознает, что видимое, если формировать его восприятие «непосредственно», не даст надежного результата — с большой вероятностью приведет к различным результатам восприятия по сравнению с воспринимаемым привычным образом или по хорошо известному образцу. Так, в случае геометрических фигур внушаемое всегда одинаково, поскольку видимое успешно указывает на существенные стороны репрезентируемого абстрактного объекта. Беркли называет зрение языком «Творца природы», с помощью которого он внушает нам знание о невоспринимаемых вещах и о том в воспринимаемом, что не воспринято актуально. Не существует ни одной идеи, которая не представляла бы духу другой, связанной с ней идеи, так что и связь идей зрения с идеями осязания оказывается предустановленной.

<sup>5</sup> Здесь же можно получить и основания для легитимации традиционно осуждаемой софистики. См.: [Лисанюк 2014]. Не давая доказательств или профанируя доказательства, софист обнажает саму его форму.



Беркли и Рид отмечают, что зрительное восприятие обеспечивает возможность предвосхищения результатов осязательного и других видов ощущений. Но геометрическое зрительное восприятие обеспечивает возможность даже исчерпывающего предвосхищения, поскольку применяет к воспринятому геометрическое знание. Если принять это за дескриптивно-психологическую посылку, то «рифмовки» топов дают нам идеи, влекущие идеи геометрические, т. е. формирующие предвосхищения исчерпывающего характера, и точно так же действуют и «рифмовки», свойственные силлогизмам и иным логически правильным фигурам умозаключения. На этапе восприятия и предварительной работы с фигурой речи еще не ясно, содержится ли в ней умозаключение, а если содержится, то правильно оно или нет. Топ, не дающий доказательства, обнаруживает это свое свойство в результате анализа, который прекращается, когда становится ясно, что чертами доказательства фигура не обладает, но благодаря структурным особенностям топа, действующим на уровне зрительного и производного от него восприятия, т. е. вне связи с содержанием, а потому максимально используя механизмы доверия и внушения, формируется положительный фон восприятия уже и самого содержания, индуцируются предвосхищения положительного ответа матрицы убеждения.

Подведем итог: риторический топ оказывается до некоторой степени убедительным сам по себе и поэтому способен повысить убедительность аргументации, в которой используется. Причины этого таковы: (1) топы оформляют фигуры мысли (например, силлогизм), так что они становятся хорошо видными, достигается их перцептивная ясность, поэтому использование топов вне фигур мысли включает ассоциации с ними; (2) топы выстроены по схемам, которые присутствуют в каждой или в большинстве матриц убеждения, так что одно только воспроизведение схемы создает эффект, близкий к эффекту убеждения (совпадения с матрицей); (3) топы выстроены по схемам, в определенном смысле аналогичным схемам восприятия вообще, так что, проходя через аристотелево «чувствилище», в котором данные разных органов чувств синхронизируются в восприятие, они вызывают игру чувственности и рассудка, т. е. эстетическое переживание, в рамках которого узнаются «рифмующиеся», т. е. симметричные, повторяющиеся, оппозиционные единицы. Их восприятие индуцирует ожидание положительной реакции матриц убеждения; (4) топы запускают разнообразные связи идей и образов, используя прежде всего идеи геометрические, несущие с собой коннотации аподиктической истинности и исчерпывающей полноты знания, что ассоциирует топ с истиной.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель 1978 — *Аристотель*. Риторика / пер. Н. Платоновой // Античные риторики / под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 15–165.
- Беркли 1978 — *Беркли Дж.* Опыт новой теории зрения / пер. А. О. Маковельского // Беркли Дж. Соч. М.: Мысль, 1978. С. 49–136.

- Буркхард 2003 — *Буркхард Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения / пер. с нем. С. Бриллианта. Смоленск: Русич, 2003.
- Гарэн 1986 — *Гарэн Э.* Рождение гуманизма: от Франческо Петрарки до Колуччо Салютати / пер. М. Н. Никогосян // Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М.: Прогресс, 1986. С. 41–63.
- Деметрий 1978 — *Деметрий.* О стиле / пер. Н. А. Старостиной, О. В. Смыки // Античные риторика / под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 237–285.
- Зайцев 1994 — *Зайцев А. И.* Формирование древнегреческого гексаметра. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994.
- Кант 1964 — *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964.
- Лисанюк 2014 — *Лисанюк Е. Н.* Софистика — это не аргументация // *Scholae.* Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8, № 2. С. 268–284.
- Мигунов 2012 — *Мигунов А. И.* Риторическая рациональность и отношение логического следования // *Логико-философские штудии.* 2012. Вып. 10. С. 6–20.
- Рид 2014 — *Рид Т.* Исследование о человеческом духе на основе здравого смысла / пер. с англ. М. И. Абрамова // Рид Т. Философия здравого смысла. М.: Канон+, 2014. С. 43–365.
- Kraus 2009 — *Kraus M.* From Figure to Argument: Contrarium in Roman Rhetoric // *Pondering on problems of argumentation* / eds. F. Van Eemeren, B. Garssen. Vol. 14. Dordrecht: Springer Netherlands, 2009. P. 117–132.
- Sperber et al. 2010 — *Sperber D., Clement F., Heintz C., Mascaro O., Mergier H., Origg G, Wilson D.* Epistemic Vigilance // *Mind & Language.* Vol. 25. 2010. N 4. P. 359–393.